

К.А. НИКИТИНА

*магистрант факультета международных отношений
Санкт-Петербургского государственного университета,
Россия, г. Санкт-Петербург*

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В РАКУРСЕ СОВРЕМЕННЫХ КОНЦЕПЦИЙ ТРАНСФОРМАЦИИ МИРОВОГО ПОРЯДКА

Процесс цифровизации международных отношений последних десятилетий придает импульс развитию различных подходов к пониманию взаимосвязи цифровых технологий и других традиционных процессов международных отношений, к которым относится изменение мирового порядка. Данная статья представляет собой попытку осмысления роли цифровых технологий в международных отношениях с точки зрения различных теорий. Представлены три подхода к анализу технологий как движущей силы изменений мирового порядка: структуралистский, социально-конструктивистский, акторно-сетевой. Методом сравнительного анализа этих подходов с учетом взглядов различных акторов международных отношений на применение цифровых технологий выявлены перспективные способы формирования будущего мирового порядка в контексте развития глобального цифрового пространства. Автор обращает особое внимание на стремление различных государств установить стандарты и правила применения цифровых технологий и роль нетрадиционных акторов, владеющих цифровыми технологиями. Статья призвана внести вклад в научные дискуссии, посвященные теоретическим проблемам и прогностическим исследованиям возможностей формирования нового миропорядка под влиянием фактора цифровых технологий.

Ключевые слова: *цифровые технологии, мировой порядок, структурализм, социальный конструктивизм, акторно-сетевая теория.*

Система международных отношений подвержена растущему влиянию научно-технического прогресса. Смена технологического уклада формирует новую модель экономического развития и новые политические реалии. В условиях развития цифровых технологий и становления глобального информационного пространства, научно-технологические отношения

выступают системообразующей структурой международных отношений [12].

Основоположник структурного реализма К. Уолц понимал структуру как распределение факторов силы, комплекс ограничений [26. Р. 29]. Структура создается акторами международных отношений. Взаимодействие акторов опосредовано нормами и принципами, совокупность которых представляет собой мировой порядок. Поскольку с развитием цифровых технологий информационная безопасность становится ключевым фактором мировой политики, государства стремятся наращивать инновационный потенциал, интеллектуальные ресурсы и научно-техническую инфраструктуру для ее обеспечения. Соответственно, новый мировой порядок образуется как результат урегулирования международных научно-технологических отношений и установления норм взаимодействия в цифровом пространстве.

Следует подчеркнуть, что в работах российских и зарубежных авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [1; 2; 3; 4; 5; 7; 9; 13; 14; 15].

Однако проблему трансформации международных отношений в цифровом пространстве нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

На данный момент международные нормы взаимодействия в цифровом пространстве не закреплены. Разработка принципов ответственного поведения государств в киберпространстве ведется на уровне ООН [8]. Инициативы в области управления киберпространством одним из первых в 2013 г. выдвинул ЕС [23]. Отсутствие норм регулирования киберсферы в совокупности с пренебрежительным отношением к международно-правовым нормам в экономической сфере и сфере контроля над вооружением предусматривает бесполусный мировой порядок [6. С. 95]. В этом контексте цифровая среда может рассматриваться как явление внеструктурного характера, которое является внешней деструктивной средой по отношению к меняющейся системе международных отношений.

С другой стороны, технологическая гонка оказывает консолидирующее воздействие на систему международных отношений, поскольку государствам выгодно встраиваться в глобальное информационное пространство. Это связано с тем, что в общем пространстве любое стратегическое преимущество одного актора нивелируется тем фактом, что другие акторы имеют доступ к аналогичным технологиям в условиях распространения информации, при этом необязательно создавать технологии, симметричные разработкам противника [22. Р. 44]. Борьба за обладание эффективными технологиями преобразования политической реальности через цифровое пространство ставит вопрос о формировании многополярного миропорядка

с учетом коалиционного взаимодействия акторов [10. С. 100]. Широта возможностей применения таких технологий зависит от достижения выдающихся экономических показателей, которое происходит за счет обработки цифровых данных.

Контроль над цифровыми данными, их защита и применение – одни из ключевых показателей мощи государства. Примечательно, что в западных либеральных демократиях происходит перераспределение власти в пользу негосударственных акторов. Ш. Зубофф, автор концепции надзорного капитализма, утверждает, что крупные корпорации наращивают сбор данных с целью управления поведением человека при помощи цифровых технологий [29. Р. 75-89]. Технологические корпорации могут обладать большей властью относительно правительств, поскольку владеют данными пользователей и формируют свои системы контроля.

В цифровом пространстве безопасность приобретает в том числе индивидуальное измерение, что порождает дилемму между сохранением конфиденциальности граждан и обеспечением национальной безопасности. Возникают конфликты нормотворческого характера. Исход этих конфликтов определит, какие государства получат право структурировать международные отношения в цифровой среде, выдвигая наиболее приемлемые для всех нормы. Например, антагонизм США и ЕС заключается в том, что ЕС отдает приоритет конфиденциальности, в то время как США готовы поступиться личной неприкосновенностью граждан ради безопасности [16. С. 22].

Помимо этого, присутствуют другие признаки расхождения интересов между США и Европой. Группа политологов сделала совместное заявление о том, что стратегия президента США Д. Трампа направлена на «уничтожение международного порядка», основанного на нормах западного либерализма [25]. Его преемника президента Дж. Байдена упрекают в том, что в новой стратегии США по кибербезопасности отсутствует понятие «свободы в интернете», которое является базовым для либеральной демократии [17]. Трансатлантический раскол можно считать одной из предпосылок к формированию многополярного мироустройства.

Россия придерживается следующего подхода к международной кибербезопасности: управление Интернетом требует интернационализации и утверждения режима нераспространения информационного оружия. Россия нацелена на недопущение милитаризации цифрового пространства, в то время как США законодательно санкционируют применение киберопераций [6]. Основной принцип политики России по урегулированию киберпространства – максимальная защищенность личности, организаций и государственных органов с учетом конструктивного сотрудничества [11]. Китай придерживается аналогичного подхода в сфере международного киберсотрудничества, акцентируя внимание на том, что принятие общих стандартов международной кибербезопасности должно обеспечивать

конфиденциальность. Разница в подходах государств к формированию стратегий создает предпосылки к системной конкуренции. Однако установление международных стандартов применения цифровых технологий позволит использовать технологии в качестве агента экономического сотрудничества.

Иной взгляд на структуру международных отношений и роль технологий предлагает социальный конструктивизм. В отличие от К. Уолца, А. Вендт утверждает, что структура системы не сводится к распределению материальных возможностей [27. Р. 140]. Она включает комплекс взаимных оценок, статусов, норм и соответствующих ролевых ожиданий участников международных отношений. Структура представляет собой интересубъективную реальность, которая складывается из общих мировоззрений агентов, и обладает теми функциями, которые ей придают агенты. Мировой порядок в терминах социального конструктивизма означает результат консенсуса между социальными субъектами по поводу международных норм и процессов с учетом особенностей идентичности этих субъектов и восприятия ими социально-политических реалий [19. Р. 265].

Конструктивистский подход к анализу технологий предполагает, что социальная динамика и развитие технологий взаимно конституируют друг друга. Однако технологии не могут являться носителем политических отношений (агентами), так как они не обладают социальной природой. Следовательно, целесообразно анализировать роль технологий в международных отношениях в ракурсе технологических корпораций и сообществ, обладающих собственной идентичностью и выступающих в качестве агентов.

Э. Адлер, теоретик эволюционного социального конструктивизма, полагает, что цифровой мировой порядок представляет собой новый формирующийся социальный порядок. Различные сообщества как структурируют цифровой мировой порядок (глобальный киберпорядок), который все больше и больше подвергается секьюритизации, так и противостоят ему [18. Р. 34]. Наряду с глобальным киберпорядком происходит становление корпоративного социального порядка, который мотивирует крупные корпорации брать на себя этическую и экономическую ответственность за свои операции [18. Р. 41].

Мировой порядок, по Э. Адлеру, определяется как сосуществование социокультурных практик, при котором происходит борьба различных сообществ за продвижение определенных действий или высказываний, поддерживающих существующую систему. В конечном итоге эти действия и высказывания подрывают порядок, вызывая его трансформации [18. Р. 42]. Новый мировой порядок – это многообразие социальных порядков. Сейчас происходит развитие цифрового и корпоративного порядков на глобальном и региональном уровнях. Мировой порядок конституируется сообществами и их корпоративными практиками. Аналогичную мысль развивал А. Вендт

в более поздних работах, внедряя концепцию квантового физикализма в международные отношения: государства – это проекция разума каждого человека; состояние структуры определяется состоянием ее частей, то есть сообществами индивидов [28].

В частности, для цифрового социального порядка характерны практики кодирования, фильтрации и цензурирования информации; для корпоративного социального порядка – инвестиционные практики и корпоративная ответственность. Следует также выделить «эпистемические практики», необходимые для поддержания или обновления уже существующих практик [18. Р. 146]. Выбор сообществ в пользу тех или иных практик зависит от их стремления создать глобальное сообщество киберпространства (формируя взаимозависимость социальных порядков) или, напротив, установить национальные щиты для предотвращения кибератак (следуя тенденции к «диссоциации социальных порядков») [18. Р. 150]. Исходя из положений этой теории, контуры мирового порядка будут определять те сообщества, которые обладают наибольшей способностью к воспроизводству и обновлению практик взаимодействия в цифровом и корпоративном социальных порядках. Соответственно, приоритетное значение с точки зрения эволюционного социального конструктивизма приобретает вопрос обеспечения так называемой эпистемической безопасности.

Тезис о том, что любые социальные явления производятся в результате взаимодействия, был взят на вооружение не только конструктивистами, но и представителями акторно-сетевой теории. Размывание границ между физической, цифровой и биологической сферой в результате четвертой промышленной революции позволяет применять этот подход. Акторно-сетевая теория утверждает, что роль агентов в социальных системах принадлежит не только людям, но и «не-людям», к которым можно отнести цифровые технологии.

Существенное отличие акторно-сетевой теории применительно к анализу роли технологий в международных отношениях заключается в отсутствии каузального характера связи между развитием общества и развитием технологий, что способствует устранению барьера между социальным и несоциальным. Постгуманистическое понимание информационно-коммуникационных технологий позволяет наделить свойством «агентности» любой объект и придать ему статус «актанта». Агентность обозначает способность принимать решения и рассматривается как сила в оболочке людей, живых существ, различных объектов [21. Р. 441]. Иными словами, цифровые технологии – полноценный участник сети международных отношений.

Для обозначения формирующейся глобальной системы сторонник акторно-сетевой теории Б. Браттон предлагает применять термин «стек». Стекло – это некая платформа, элементы которой структурированы при помощи технических и концептуальных слоев на глобальном и локальном уровнях

[20. Р. 52]. Формирование стека направлено на создание архитектуры, которая является одновременно технической и концептуальной [20. Р. 60]. Международные отношения как глобальная платформа не функционируют по юридическим предписаниям (нормам или принципам). Динамика глобальной платформы обусловлена алгоритмическим управлением самостоятельных действий участников платформы.

Стек как «мегаструктура» образуется из материальных объектов, структур коммуникации, идентичностей и оболочек государственного суверенитета. Данное описание международных отношений в виде единой платформы планетарного масштаба искажает вестфальские принципы. Стек вызывает эрозию государственного суверенитета и воспроизводит новые сетевые пространства по своему образу и подобию. Вместо представления государств как акторов системы международных отношений, предлагается рассматривать государства как самостоятельные сети. Так, размывание государственных границ в виртуальном пространстве приводит к симбиозу государственных и негосударственных акторов [20. Р. 123]. Мировой порядок в терминах акторно-сетевой теории можно представить, как «пространственный порядок» [20. Р. 73].

Таким образом, каждый из представленных подходов позволяет придавать цифровым технологиям разный статус в меняющемся мировом порядке. Структуралистский взгляд подразумевает, что отсутствие ограничений в цифровом пространстве приведет к формированию бесполюсного мирового порядка. Установление правил применения цифровых технологий не исключает нарастание противостояний, которые будут иметь стабилизирующий эффект. Конструктивистская мысль предполагает формирование комбинированного мироустройства, сочетающего два измерения – цифровое и корпоративное. Акторно-сетевой подход предлагает альтернативу трансформации мирового порядка в глобальное самоуправляемое сетевое пространство. Данные подходы объединяет тот факт, что каждый из них уделяет особое внимание роли акторов, стоящих за производством цифровых технологий и владеющих цифровыми данными.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Авзалова Э.И. Роль сети Интернет в процессе принятия политико-управленческих решений // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 5 (86).
2. Аришин К.В. Опыт применения цифровых технологий зарубежными странами для ускорения процесса адаптации иностранных граждан // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 4 (85).

3. Аюпова З.К., Жомарткызы А. Сущность, содержание и роль цифровизации юридических услуг // Региональное и муниципальное управление: вопросы политики, экономики и права. 2021. Т. 8. № 4 (26).

4. Белюсов П.Н. Становление модели государства как цифровой платформы на примере Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 5 (86).

5. Белюсов П.Н., Терешенков А.М. Роль высокотехнологичных транснациональных корпораций в системе международных отношений в условиях цифровизации // Вопросы политологии. 2022. Т. 12. № 6 (82).

6. Виловатых А.В. Вероятные модели трансформации миропорядка в контексте становления цифровой эпохи // Свободная мысль. 2020. № 6 (1684).

7. Дмитриева Н.И., Дун Цзычао. Суверенитет киберпространства как национальный суверенитет // Вопросы политологии. 2022. Т. 12. № 5 (81).

8. Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности: Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 5 декабря 2018 года. A/RES/73/27//<https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N18/418/07/PDF/N1841807.pdf?OpenElement>.

9. Золотарева А.Н., Афонин М.В., Беляева В.П. Особенности цифрового регулирования в государственной миграционной политике // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 6 (87).

10. Информационно-психологическая и когнитивная безопасность. Коллективная монография / под ред. И.Ф. Кефели, Р.М. Юсупова. СПб.: Петрополис, 2017.

11. Концепция стратегии кибербезопасности Российской Федерации // Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации // <http://council.gov.ru/media/files/41d4b3dfbdb25cea8a73.pdf>.

12. Крутских А.В., Бирюков А.В. Новая геополитика международных научно-технологических отношений // Международные процессы. 2017. Том 15. № 2 (49).

13. Меньшиков П.В., Агрба А.А. Цифровые экосистемы как фактор создания совместных ценностей // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 3 (84).

14. Меньшиков П.В. О важности переосмысления подходов к оценке медийного пространства современной мировой политики // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2022. Т. 11. № 2 (42).

15. Слабов Е.А. Эволюция цифровой дипломатии в современном мире // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2021. Т. 10. № 2 (36).

16. Шитов А. Две доктрины: чем отличаются подходы России и США к информационной безопасности // ТАСС // <https://tass.ru/>

opinions/5844455?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru.

17. America's Place in Cyberspace: The Biden Administration's Cyber Strategy Takes Shape // Council on Foreign Relations // <https://www.cfr.org/blog/americas-place-cyberspace-biden-administrations-cyber-strategy-takes-shape>.

18. *Adler E.* World Ordering: A Social Theory of Cognitive Evolution. New York: Cambridge University Press, 2019.

19. *Barnett M.* Constructivism // The Globalization of World Politics: An Introduction to International Relations / eds J. Baylis, S. Smith. New York: Oxford University Press, 2004.

20. *Bratton B.* The Stack. On Software and Sovereignty. Massachusetts: The MIT Press, 2016.

21. *Cudworth E., Hobden S.* Of Parts and Wholes: International Relations Beyond the Human // Millennium: Journal of International Studies. 2013. No. 41 (3).

22. Disrupting Deterrence. Examining the Effects of Technologies on Strategic Deterrence in the 21st Century // Rand Corporation. 2022 // https://www.rand.org/pubs/research_reports/RRA595-1.html.

23. EU Cybersecurity plan to protect open internet and online freedom and opportunity // European Commission // https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_13_94.

24. *Farrel H., Newman A.* Of Privacy and Power: The Transatlantic Struggle over Freedom and Security. Princeton: Princeton University Press, 2019.

25. In Spite of It All, America // The New York Times // <https://www.nytimes.com/2017/10/11/world/europe/germany-united-states-trump-manifesto.html>.

26. *Waltz K.* Realist Thought and Neorealist Theory // Journal of International Affairs. 1990. No. 44.

27. *Wendt A.* Social Theory of International Politics. New York: Cambridge University Press, 2004.

28. *Wendt A.* Quantum Mind and Social Science. Unifying Physical and Social Ontology. Cambridge: Cambridge University Press, 2015.

29. *Zuboff S.* Big Other: Surveillance Capitalism and the Prospects of an Information Civilization // Journal of Information Technology. 2015. Vol. 30. No. 1.

K.A. NIKITINA

*Master student of the Faculty of International Relations
St. Petersburg State University,
St. Petersburg, Russia*

DIGITAL TECHNOLOGIES IN PERSPECTIVE MODERN CONCEPTS OF TRANSFORMATION WORLD ORDER

The process of digitalization of international relations in recent decades gives impetus to the development of various approaches to understanding the relationship between digital technologies and other traditional processes of international relations, which include a change in the world order. This article is an attempt to comprehend the role of digital technologies in international relations from the point of view of various theories. Three approaches to the analysis of technologies as a driving force of changes in the world order are presented: structuralist, social-constructivist, actor-network. Using the method of comparative analysis of these approaches, taking into account the views of various actors of international relations on the use of digital technologies, promising ways of shaping the future world order in the context of the development of the global digital space have been identified. The author pays special attention to the desire of various states to establish standards and rules for the use of digital technologies and the role of non-traditional actors who own digital technologies. The article is intended to contribute to scientific discussions devoted to theoretical problems and predictive studies of the possibilities of forming a new world order under the influence of the digital technology factor.

Key words: *digital technologies, world order, structuralism, social constructivism, actor-network theory.*